

Дело О о сбежавшем зеркале

Отдел „Тихий ужас“

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о сбежавшем зеркале

<https://litres.ru/74613534>

SelfPub; 2026

Аннотация

В антикварном магазине на Гагарина, 3 пропало зеркало. Старинное. В резной раме. Висело в подсобке.

Отдел номер семь приезжает на «дело о краже» и почти сразу убеждается: кражи не было. Дверь цела. Окно цело. Сигнализация не сработала.

А потом зеркало находится. В парикмахерской через две улицы. Висит, стоит, работает. Консультирует клиенток по причёскам.

— Вам идёт каре. Нет, не это. Другое каре.

Отдел впервые за всю серию получает дело, где никто не пострадал, ничего не украдено и во всём виновата барышня из XIX века, которая устала стоять в подсобке и хочет наконец выйти замуж. Зеркало путешествует по другим зеркалам города: сегодня в парикмахерской, завтра в фотоателье, послезавтра — у кого-то в квартире, где оно намекает хозяину, что тот неправильно живёт.

Синичкина — впервые в серии — сочувствует преступнику. Орлов это замечает. И — молчит.

Кулибин фотографирует зеркало. На фото — он сам. Молодой. С сигаретой. В пиджаке. Такого Кулибина не помнит никто.

Содержание

Глава 1. Зеркало, которое ушло	4
Глава 2. Парикмахерская «Милая»	9
Глава 3. Путешествие по зеркалам	14
Глава 4. Синичкина и барышня	19
Глава 5. Две недели	23
ЭПИЛОГ. Музей на Гагарина, 15	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дело о сбежавшем зеркале

Глава 1. Зеркало, которое ушло

Антикварный магазин на Гагарина, 3 назывался «Старые вещи». На вывеске мелко было выбито: «ПРЕДСКАЗАНИЯ. АМУЛЕТЫ. ТРАВЯНОЙ ЧАЙ». Ниже — крупнее: «Скупка и продажа антиквариата». Ещё ниже — совсем мелко: «Осторожно, порог».

Орлов вошёл первым. За ним — Синичкина, Муромцев, Кулибин, Дроздов, дракон. Громобоев остался на крыльце — «я тут постою». Тимофей шёл сам, без переноски. Внутри пахло лавандой и пудрой. Было тесно, как в ста-

ром фотоальбоме: витрины, полки, стопки книг, сундук, медные тазы, три куклы, патефон, будильник, который тикал на полсекунды медленнее всех остальных будильников. На прилавке — чашка травяного чая.

Продавщицу звали **Вероника Львовна**. Ей было сорок пять. Шаль, перстни, серьги-каффы, тонкая улыбка человека, который на всякий случай знает больше, чем говорит.

Она не встала. Она сказала:

— А, наконец-то. Я вас ждала.

— Почему? — спросил Орлов.

— Потому что я подала заявление две недели назад, — сказала Вероника Львовна. — Оно у вас с двадцать первого. А сегодня двадцать девятое. Вы пришли на девятый день.

— Откуда вы знаете? — спросил Орлов.

— Я медиум, — сказала Вероника Львовна.

— Ясно, — сказал Орлов. — Где зеркало?

Вероника Львовна поставила чашку.

Она встала.

Она повела их в подсобку.

Подсобка была маленькая. Три шага туда, три обратно. Полки. Коробки. Пахло мышами и слежавшейся бумагой. На стене — крюк. На крюке — **ничего**. Рядом с крюком — гвоздь. На гвозде — **тонкая, выцветшая ленточка с бантом**. Под крюком — **тонкая косая тень**, лежащая на стене в форме овала. Как будто зеркало стояло здесь долго, а потом **взяло и встало**.

— Оно тут висело? — спросил Орлов.

— Тут.

— Кто последний его видел?

— Я, — сказала Вероника Львовна. — В понедельник. В семь вечера. Я закрылась, погасила свет, ушла. Утром пришла — рама на месте, на крюке, а зеркала в раме нет.

— То есть рама на месте.

— Да. Рама на месте. Стекло — ушло.

— Как стекло может уйти из рамы? — спросил Дроздов.

— А как человек может уйти из дома? — сказала Вероника Львовна. — Вот так. Взяло и ушло.

— Вероника Львовна, — сказал Орлов. — Зеркало пропало. Мы в отделе «Тихий ужас». Мы знаем, что бывает всё. Но у нас есть десять экспертиз и один протокол. Вы понимаете, о чём я.

Вероника Львовна смотрела на него.

Потом сказала:

— Хотите — я вам покажу.

— Что?

— Что оно ушло. Не «украли». Не «вынесли». Ушло. Вот.

Она подошла к стене. Она положила ладонь на тонкую овальную тень. И сказала:

— Тёплое.

Орлов сам подошёл. Положил ладонь. На секунду замер.

— Тёплое, — сказал он.

Синичкина подошла. Положила ладонь. Замерла.

— Тёплое, — сказала она.

Кулибин подошёл. Снял очки. Подержал руку над тенью.

Потом сказал:

— Не тёплое. **Живое**. Дайте прибор.

Прибор-чайник он вынул из сумки. Навёл на тень. Прибор засветился — слабо, розовато.

Кулибин посмотрел на него.

— Вот это, — сказал он, — я не видел ни разу.

— Что это? — спросил Дроздов.

— Это **остаток**. — Кулибин убрал прибор. — Как запах. Только не в воздухе, а в стекле. Оно тут стояло. И оно тут **жило**.

Тимофей прошёл в подсобку. Запрыгнул на полку. Сел рядом с тенью. Посмотрел на неё. Долго. И — не отвернулся. Наоборот — он к ней подошёл ближе. Лёг. Как будто рядом с кем-то, кого знает.

— Кот признал, — сказал Муромцев.

— Что он признал?

— Что там кто-то был. И что этот кто-то — свой.

— Вероника Львовна, — сказал Орлов. — Что за зеркало было?

— Семнадцатый век, — сказала Вероника Львовна. — Итальянская работа. Рама — ореховая. Стекло — венецианское. Хозяин — барышня. Из Тихогорска. Гостила в Венеции, привезла. Умерла в Тихогорске в тысяча восемьсот девяносто первом. Зеркало осталось. Дальше — как все зерка-

ла. Переходило из рук в руки. Последние восемьдесят лет — у меня. В подсобке. За рамой.

— За рамой?

— Висело как зеркало. А было — не как зеркало.

— Что в нём? — спросил Орлов.

Вероника Львовна посмотрела на него.

Потом сказала:

— Барышня.

Глава 2. Парикмахерская «Милая»

Утром следующего дня в отдел пришёл звонок.

Звонила директриса парикмахерской «Милая» — Тамара Феликсовна Пузырёва. Она сказала ровно следующее:

— У меня в салоне завёлся зеркало, которое говорит.

— Что говорит? — спросил Орлов.

— **Советы**, — сказала Тамара Феликсовна. — Стрижки. Оно советует девушкам стрижки. Мы его сначала не заметили. Повесили, потому что оно подходит по стилю. А потом оно начало **разговаривать**.

— Как разговаривать?

— Голосом. Женским. Тонким. С акцентом. **Старинным**. Вот вчера оно говорит: «Вам идёт каре». Девушка стрижётся. Оно говорит: «Нет, не это. Другое каре». Мы ей делаем другое каре. Оно говорит: «Вот. Теперь можно выходить замуж».

— И она вышла?

— Она **познакомилась**, — сказала Тамара Феликсовна.
— Вчера. В трамвае. С инженером. Он, оказывается, тоже любит другое каре.

— Адрес? — спросил Орлов.

— Гагарина, 9, — сказала Тамара Феликсовна. — Через две улицы от «Старых вещей». Я узнала от Вероники Львовны. Она мне как раз звонила утром. Сказала: «твое зеркало — это моё зеркало». Я сначала не поняла, а потом посмотрела в него — и поняла.

Через час отдел был на месте.

Парикмахерская «Милая» была маленькая: два кресла, три сушилки, полка с шампунями, стенка с зеркалами. Из стенки с зеркалами **одновыбивалось**. Оно было **старинное**, в ореховой раме, с венецианским стеклом. Оно висело криво. Как будто повесилось само.

Орлов вошёл. Все вошли за ним.

В зеркале отразилась парикмахерская. И никто лишний.

Орлов посмотрел в зеркало.

Зеркало посмотрело на Орлова.

Потом — голосом тонким, женским, с очень старинным,

немножко не нашим выговором — сказала:

— Здравствуйте. Вы пришли за мной?

— Да, — сказал Орлов.

— Тогда садитесь. — Зеркало помолчало. — Вам идёт быть майором. Только пиджак снимите. Он вас старит.

Дроздов отвернулся. Муромцев кашлянул. Синичкина — не удержалась — улыбнулась. Улыбнулась и посмотрела на Орлова. Орлов смотрел на зеркало.

— Мы из отдела номер семь, — сказал он.

— Я знаю, — сказала зеркало. — Я слышала о вас. Дом на Пожарной. Типография на Заводской. У вас хорошая репутация среди тех, кто **стоит на месте**. Особенно среди тех, кто **не хочет стоять**

— Вы барышня? — спросил Муромцев.

— Да, — сказала зеркало. — Я **барышня**. Меня зовут **Евдокия Саввишна Ремизова**. Из Тихогорска. Я умерла в тысяча восемьсот девяносто первом году. Всю жизнь я хотела одно: выйти замуж. За хорошего человека. Не вышла. Умерла одна. Зеркало — моё. В нём я живу.

— И вы решили выйти замуж сейчас? — спросил Дроздов.

— Не сейчас, — сказала зеркало. — **Всегда**. Я в этом зеркале сто двадцать восемь лет. Сто тридцать лет я стояла в подсобке. Понимаете? — Оно помолчало. — Я устала стоять. Я хочу **посмотреть мир**. И, если можно, найти мужа.

— Мужа? — переспросила Синичкина.

— Мужа, — подтвердило зеркало. — Не зеркало. Не предмет. Мужа. **Человека**, который меня полюбит такой, какая я есть.

Синичкина посмотрела на Орлова.

Орлов — на Синичкину.

Никто ничего не сказал.

Зеркало помолчало и добавило:

— Если вы пришли меня забрать — заберите. Я не сопротивляюсь. Но сначала дайте мне **две недели**. Я обещаю: я никого не обижу. Я, наоборот, помогу. Я уже помогла девушке вчера. И ещё троим. И одной даме. Она у нас вчера развелась. Я ей сказала: «Вам идёт не этот муж. Другой муж». Она ушла. Сегодня она мне позвонила. Сказала: «Спасибо». Я сказала: «Пожалуйста». Мы с ней похожи.

— А если мы вас заберём? — спросил Орлов.

— Тогда я опять буду стоять в подсобке, — сказала зеркало. — Ещё сто тридцать лет. Я не жалею. Я просто **спрашиваю**.

Орлов молчал.

Синичкина — нет.

Синичкина сказала:

— Две недели.

Орлов посмотрел на неё.

Синичкина посмотрела на Орлова.

Орлов не сказал ничего.

— Две недели, — сказал он наконец. — С условием. Вы —

никого не пугаете. Не переставляете ничего без разрешения. Не говорите клиентам того, чего им не надо. И **никуда не уходите** без звонка.

— Согласна, — сказала зеркало. — Могу я тогда попросить одну вещь?

— Какую?

— Дайте мне номер вашего отдела. Я буду звонить. Чтобы вы не волновались.

— Дадим, — сказал Орлов. — Дроздов, дай номер.

Дроздов отошёл, положил номер на столик. Зеркало посмотрело на бумажку.

— Спасибо, — сказала зеркало. — Вы очень добрые. У вас хорошая работа. Кстати, — оно посмотрело на Синичкину. — Вам идёт пучок. Только не такой. **Другой** пучок.

Синичкина тронула свой разваливающийся пучок.

Ничего не ответила.

Глава 3. Путешествие по зеркалам

За две недели зеркало сменило пять мест.

Первый день оно провело в парикмахерской. Второй — в фотоателье на Сакко, где его повесили в примерочной, и оно объясняло невестам, какая фата им идёт. Третий — в квартире на Калинина, у женщины, которая сорок лет прожила с мужем и впервые за сорок лет услышала от кого-то: «вы правы». Четвёртый — в троллейбусном депо, где его водитель Вася нашёл на стене у раковины и принёс домой. Пятый — снова в парикмахерской. Шестой — у **Кулибина**.

Кулибин обнаружил его случайно.

Он пришёл домой. Зеркало висело в прихожей. Он его не вешал. Он купил квартиру двадцать лет назад, зеркало уже было там. Тридцать сантиметров на сорок. Простое. Обычное. Он в него никогда не смотрелся — не любил.

В тот вечер он посмотрел.

И увидел себя **молодым**.

Он был в пиджаке. С сигаретой. Ему было двадцать три. Он был худой. У него были волосы — густые и тёмные. У него не было очков. Он улыбался.

Кулибин отшатнулся.

Он взял прибор-чайник. Он навёл на зеркало — оно загорелось розово, как тогда, в подсобке. Он взял фотоаппарат. Он снял зеркало. Он проявил пленку — он всегда проявлял сам, у него была в кладовке лаборатория.

На фотографии был он. Молодой. Двадцать три. С сигаретой. В пиджаке. Улыбающийся.

Он вернулся в прихожую.

Зеркало висело криво.

Он сказал:

— Это ты.

— Да, — сказала зеркало. — Это я.

— Зачем?

— Просто. — Пауза. — Вам было хорошо тогда. Молодым. У вас была одна девушка. Вы её бросили. Вы думаете о ней каждый день. Она умерла в две тысячи четвёртом. У неё была дочь. Дочь живёт в Новочеркасске. Она вас не знает.

Но вы её один раз видели. В две тысячи восьмом. В очереди в аптеке.

— Откуда ты знаешь?

— Я зеркало, — сказала зеркало. — Я знаю всё, что **отражалось**. Хотите, я вам скажу, зачем вы стали криминалистом?

— Не надо.

— Хорошо. — Зеркало помолчало. — Простите. Я не хотела лезть. Я просто **устала стоять**. Иногда я говорю лишнее. Мне уже сто тридцать лет. Мне хочется поговорить.

Кулибин подошёл. Снял зеркало со стены. Поставил его на стол. Сел напротив.

— Скажи, — сказал он. — Ты правда хочешь выйти замуж?

— Правда.

— За кого?

— Не знаю, — сказала зеркало. — За хорошего. За того, кто меня полюбит такой, какая я есть. Я не капризная. Я могу жить в прихожей. Могу в спальне. Могу на кухне. Мне всё равно. Мне только надо, чтобы мне **говорили** что-нибудь. Хоть иногда.

— Ты пробовала?

— Пробовала. — Зеркало вздохнуло. — Я влюбляюсь в каждого. В парикмахерской влюбилась в водителя троллейбуса. В фотоателье — в фотографа. В депо — в диспетчера. У женщины на Калинина — в её кота. Кот был единствен-

ный, кто меня понял. Он сказал «мяу». Я сказала «мяу». Мы поговорили.

— А сейчас?

— Сейчас — в вас. — Зеркало помолчало. — Я в вас влюблена. Два дня. С того момента, как вы вошли в подсобку. У вас очки на резинке. Это очень хорошо. Резинка — признак того, что человек всё время теряет очки. Значит, он их **носит**. Значит, он их любит.

Кулибин молчал.

Потом сказал:

— Я не могу жениться на зеркале.

— Я знаю, — сказала зеркало. — Я не настаиваю. Я просто говорю. Мне очень важно, чтоб мне **говорили**.

— Я тебе буду говорить, — сказал Кулибин.

— Правда?

— Правда. Пока ты в моей квартире — я тебе буду говорить. Каждый вечер. Две минуты. Как дела на работе. Что я делал. Что у нас в отделе

— Спасибо, — сказала зеркало. — Можно я это расценю как предложение?

— Как **договор**, — сказал Кулибин.

— Договор — тоже хорошо. — Зеркало помолчало. — Спасибо, Николай Петрович.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Вы его говорили вчера. — Зеркало помолчало. — По телефону. Я слышала.

Кулибин снял очки. Протёр. Надел. Посмотрел в зеркало.
В зеркале он был **молодой**. Двадцать три. С сигаретой.
Пиджак. Улыбка.

Он посмотрел на себя долго.

Потом сказал:

— Ладно. Живи пока.

Глава 4. Синичкина и барышня

На девятый день Синичкина пришла в парикмахерскую одна.

Она не сказала Орлову. Она не сказала даже Муромцеву. Она зашла в «Милую» в семь вечера, когда салон уже закрылся, попросила у Тамары Феликсовны пять минут, села в кресло и посмотрела в зеркало.

Зеркало посмотрело в неё.

— Здравствуйте, — сказала оно. — Вы пришли поговорить.

— Да, — сказала Синичкина.

— Не как следователь.

— Нет.

— Как женщина.

— Как женщина.

Зеркало помолчало. Оно заговорило тише — мягче, чем обычно, более по-настоящему.

— Хотите, я вам скажу, что вы хотите услышать?

— Нет, — сказала Синичкина. — Я хочу услышать то, что вы хотите сказать.

— Хорошо, — сказала зеркало. — Тогда вот.

Оно сказала:

— Вы хороший следователь. Вы это знаете. Вас это радует, но не утешает. Вам двадцать девять. Вы работаете восемь лет. Вы — единственная женщина в отделе, который занимается нечистью. Вы пришли сюда, потому что вам было интересно. Вы остались, потому что вы **своих не бросаете**. Вы никогда не влюблялись по-настоящему. Один раз чуть не влюбились — в институте. В мальчика. Мальчик вас не заметил. Вы тогда сказали себе: «ну и ладно». И с тех пор вы это повторяете раз в год. В марте. Вы плачете в марте. Один раз. Обычно в троллейбусе.

Синичкина смотрела в зеркало.

— Как вы это узнали?

— Я зеркало, — сказала зеркало. — Я **всёзнаю**. Вы не первая, кто пришёл ко мне поговорить. Вы восьмая за сто тридцать лет. Я помню каждую. Одна приходила в тысяча

восемьсот девяносто четвёртом. Одна — в девятьсот восьмом. Одна — в сорок седьмом. Одна — в семьдесят первом. Одна — в девяносто первом. Одна — в две тысячи втором. Одна — в две тысячи восемнадцатом. Вы — восьмая. Все вы приходите за одним. За тем, чтобы кто-то сказал: **«вы правы»**.

— И что вы говорите?

— Я говорю всем одно. — Зеркало помолчало. — Вы правы. И вы не одни. Это очень старая фраза. Ей сто тридцать лет. Её ещё в Венеции говорили. Но её невозможно перевести на другой язык. И невозможно выговорить вслух. Только **в зеркало**.

Синичкина сидела в кресле.

Она смотрела в зеркало.

Она **не плакала**.

Она просто очень долго молчала.

Потом сказала:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — сказала зеркало. — Кстати, вам действительно идёт пучок. Просто **другой**. Сейчас у вас пучок «я на работе». А надо пучок «я дома». Поймите разницу. Это всё.

Синичкина встала.

Она посмотрела на зеркало ещё раз.

Потом сказала:

— А ваш муж?

— Какой?

— Тот, с которым вы хотите выйти замуж. Вы его нашли?
Зеркало молчало.

Долго.

Потом сказала:

— Нет.

— За сто тридцать лет?

— За сто тридцать лет, — сказала зеркало. — Я влюбляюсь в каждого. Но выйти замуж — трудно. Потому что я — зеркало. Во мне есть **другая сторона**. Люди боятся. Даже тот, кто говорит «люблю». Потому что за зеркалом — не я. За зеркалом — **зеркало**. И люди это чувствуют. Все, кроме одной.

— Кого?

— Одной женщины. — Зеркало помолчало. — Она жила на Пожарной, 4. Она пришла ко мне в тысяча девятьсот девяносто первом. Она сказала: «Я тебя не боюсь». Я сказала: «Я тоже». Мы поговорили. Она ушла. Она умерла в две тысячи девятнадцатом. Одна. Я всё ещё её помню.

Синичкина тихо сказала:

— Мне жаль.

— Мне тоже, — сказала зеркало.

— Я приду ещё, — сказала Синичкина.

— Приходите, — сказала зеркало. — Я здесь. Пока здесь.

Глава 5. Две недели

На пятнадцатый день Орлов пришёл в парикмахерскую один.

Зеркало висело где висело — на стенке, криво.

Оно сказала:

— Вы пришли забрать.

— Нет, — сказал Орлов. — Я пришёл поговорить.

Зеркало помолчало.

И сказала:

— Поговорим.

Орлов сел в кресло.

Он снял пиджак. Повесил на спинку. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Так лучше, — сказала зеркало.

— Знаю, — сказал Орлов.

— Я вас слушаю, — сказала зеркало.

Орлов помолчал.

Потом сказал:

— У нас в отделе есть сотрудница. Синичкина. Она вас навещала. Четыре раза. За две недели.

— Пять, — сказала зеркало. — Она приходила ещё вчера. Поздно. Мы говорили про пучки.

— Хорошо, — сказал Орлов. — Пять. Я знал. Я просто хотел, чтобы вы сказали.

— Зачем?

— Затем, — сказал Орлов, — что я хочу понять, что вы ей даёте. Не в плохом смысле. В **хорошем**. Она за две недели изменилась. Она стала носить другой пучок. Она стала **говорить** больше. Раньше она записывала в блокнот. Теперь — иногда записывает, а иногда — просто говорит. Это новое. Я хочу знать, откуда.

— Я ей ничего не даю, — сказала зеркало. — Я ей **говорю**. Одно и то же. Каждый раз. Три слова. «Вы не одни». Всё.

Орлов смотрел в зеркало.

— Три слова?

— Три слова, — сказала зеркало. — Она приходит. Садится. Смотрит. Я говорю. Она молчит. Она уходит. Через

день приходит снова.

— Почему?

— Потому что, — сказала зеркало, — в первый раз она мне не поверила. Во второй — задумалась. В третий — я сказала то же самое. В четвёртый — она **услышала**. В пятый — она пришла **просто так**. Это и есть результат. Я больше ничего не делаю.

— А если бы вы ей ничего не говорили? — спросил Орлов.

— Тогда бы она не пришла в пятый раз, — сказала зеркало. — И не носила бы другой пучок. Это не мелочь, Александр Иванович. Это **важно**. Про пучок. Я это серьёзно.

Орлов молчал. Зеркало молчало тоже.

Потом Орлов сказал:

— Я пришёл вас забрать.

— Я знаю.

— Не сегодня.

— Я знаю.

— Я хочу предложить другое.

— Слушаю, — сказала зеркало.

Орлов помолчал. Потом сказал так, как он умел говорить только в таких случаях — ровно, тихо, без нажима:

— Вы можете остаться в городе. Не в подсобке. Не в антикварке. **В городе**. Мы с Вероникой Львовной поговорили. Мы с Тamarой Феликсовной поговорили. Мы с Кирилловым поговорили. У нас есть место. **Музей городского быта**—

новый отдел. Открывается в декабре. На Гагарина, 15. Там будет экспозиция «Предмет и память». В ней три истории: дом на Пожарной, 11, типография на Заводской, 7 и **вы**.

— Я?

— Вы, — сказал Орлов. — Не как экспонат. Как **смотрящий**. Вы будете стоять в зале. В зеркальном шкафу. Вам дадут место, где вы сможете говорить с посетителями. Каждый день с десяти до восемнадцати. Через день. С перерывом. И выходной в понедельник.

Зеркало молчало долго.

Потом сказала:

— Это шутка?

— Нет, — сказал Орлов. — Это решение городской комиссии. Согласовано. Уже подписано. Я лично не подписывал — юридически. Подписал Кириллов. Как по Пожарной. Как по типографии. С тех пор я всегда с ним согласовываю то, чего больше нет.

— Значит, я больше не буду стоять в подсобке, — сказала зеркало.

— Нет.

— Значит, я буду стоять **не одна**.

— Да.

— Значит, ко мне будут приходить.

— Каждый день.

Зеркало заговорило тише:

— А Синичкина?

— Она в отделе. Она будет приходить. Так же. Пять раз за две недели.

— А Кулибин?

— Он тоже. Он вам будет звонить. У вас будет телефон. Он будет рассказывать, как дела на работе. Две минуты в день. Он обещал.

— А вы?

— Я, — сказал Орлов, — буду заходить раз в месяц. Проверять. У вас будет **куратор**. Из отдела. Один. Каждый месяц. По очереди. Кто-нибудь.

— Спасибо, — сказала зеркало. И оно сказала это **очень тихо**, совсем не так, как говорило всё до сих пор. Тон у него изменился. Тон стал **настоящим**.

Орлов встал. Надел пиджак. Застегнул пуговицу.

— Одно условие, — сказал он.

— Какое?

— Никаких пророчеств. Никаких свадеб. Никаких советов мужу и жене. Никаких «другой муж». Музей — это не брачное агентство.

— А если кто-то **самспросит**?

— Если кто-то сам спросит — отвечайте. Но только чисто по делу. Про причёски. Про платья. Про то, что у человека в доме. Не про инженеров из трамвая.

— Хорошо, — сказала зеркало. — Про трамвай молчу.

Орлов пошёл к двери.

Он остановился на пороге. Овернулся.

— Барышня.

— Да.

— Спасибо. За Синичкину.

— Это не я, — сказала зеркало. — Это **она**. Она просто

пришла. И этого хватило.

— Хорошо, — сказал Орлов. — Принято.

Он вышел.

ЭПИЛОГ. Музей на Гагарина, 15

В декабре музей городского быта открылся.

Это было небольшое здание на Гагарина, 15 — двухэтажное, кирпичное, с табличкой «ОСНОВАН В 1879 ГОДУ». Раньше в нём была швейная мастерская. Потом склад. Потом ничего. Теперь — музей.

В первом зале — дом. Макет дома на Пожарной, 11. Наличник. Труба. Резьба — «солнце, волна, колос». Рядом — фотография крыльца с котом и домовым. Две кружки. Тетрадь в клетку — под стеклом. И табличка: «*Реальный объект. Сохранён в 2024 году.*»

Во втором зале — типография. Линотип из настоящей типографии — передан в дар. Свинцовые литеры. Ящик с набором. Одна отдельная ячейка — третья сверху, третья слева. В ней — литера «Ъ». Отдельная табличка: *«Найдена в 2024 году.»* Рядом — тонкая книга в коленкоровом переплёте, на подставке, открытая на последней странице. Последняя запись: *«Тираж — две тысячи двести. Последний. Автор — А. А. Акимов.»*

Третий зал — маленький. Полутёмный. В нём стоял зеркальный шкаф. Простой, старый, ореховый. Внутри — зеркало в венецианской раме.

Зеркало жило.

В первый день открытия пришли все. Орлов. Синичкина. Муромцев. Кулибин. Дроздов. Дракон. Громобоев. Аким с папой. Никита Прокопьевич. Вероника Львовна. Кириллов. Пришёл даже водитель троллейбуса Вася — он привёл свою жену, они недавно поженились, жена была с «другим каре».

Зеркало встречало каждого.

Оно говорило Синичкиной: «Здравствуйте. Причёска — то, что надо».

Оно говорило Кулибину: «Николай Петрович, как дела на работе?»

Оно говорило Муромцеву: «А где кот?»

Муромцев сказал: «Кот с нами. Он на входе. Он не любит зеркала».

Зеркало сказала: «Приведите его. Мы с ним поговорим».

Муромцев привёл кота.

Кот вошёл в зал.

Он сел перед зеркалом.

Он посмотрел на себя.

Он посмотрел внутрь.

Зеркало сказала очень тихо:

— Здравствуй.

Кот ничего не сказал.

Он просто **сел рядом**. Сел рядом со шкафом. И остался.

Он сидел там двадцать минут. Как будто говорил. Как буд-

то слушал.

Потом встал. Пошёл к выходу.

Зеркало сказала:

— Спасибо.

Кот не обернулся.

Но хвост у него на секунду — только на одну секунду —

дёрнулся в сторону зеркала. Это у него означало «пожалуйста».

Через неделю после открытия в третий зал пришла девушка.

Она вошла, села напротив зеркала, посмотрела на себя в него, и ничего не сказала.

Зеркало молчало.

Девушка молчала.

Так они просидели пять минут.

Потом зеркало сказала:

— Вы не одна.

Девушка заплакала.

Зеркало молчало.

Девушка плакала.

Потом сказала:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — сказала зеркало. — Кстати, вам идёт каре.

Девушка улыбнулась.

Она встала. Она пошла к выходу.

Она обернулась.

— А какой?

— **Другой**, — сказала зеркало.

Девушка кивнула.

Она вышла.

Зеркало осталось одно.

В нём отражался зал. Портреты. Витрины. Тишина.

И — тонкая золотая нить. Та же самая, что в деле 9. Та же самая, что в деле 10. Тонкая золотая нить, которая шла от зеркала — **через город** — до самого отдела номер семь.

Она была тонкая.

Но она была.

В отделе номер семь на подоконнике стояли горшки.

Герань. Дубок. Клён. Склеянка с солёной водой. Банка с речной галькой. Росток в терракотовом горшке. Росток в железной банке. И — совсем новое — **маленькое зеркаль-**

це. Простое, в тонкой металлической рамке. Поставленное на подоконник.

Никто его не ставил.

Никто не знал, откуда оно взялось.

Кроме Тимофея.

Тимофей сидел рядом. Смотрел в него. Внимательно. Как всегда.

На этот раз — в зеркальце отражался **он сам**. Уши. Глаза. Серьёзная морда.

Он сидел долго.

Потом отвернулся.

Отвернулся **спокойно**. Впервые за серию. Спокойно, как человек, который знает: всё в порядке.

Орлов подошёл.

Посмотрел на зеркальце.

Посмотрел на кота.

— Тимофей.

Кот не отреагировал.

— Откуда зеркальце?

Кот не отреагировал.

— Тимофей.

Кот медленно повернул голову.

Посмотрел на Орлова.

— Ладно, — сказал Орлов. — Принято.

Он открыл шкаф. Поставил на полку новую папку: «Дело 11. Гагарина, 3. Зеркало, барышня, музей».

Закрыл шкаф.

Следующая папка — **пустая**— уже лежала в шкафу. Орлов посмо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.